

ЭЛ Джеймс

Читайте книги ЭЛ ДЖЕЙМС

Трилогия
«ПЯТЬДЕСЯТ ОТТЕНКОВ»:

ПЯТЬДЕСЯТ ОТТЕНКОВ
СЕРОГО

•

НА ПЯТЬДЕСЯТ ОТТЕНКОВ
ТЕМНЕЕ

•

ПЯТЬДЕСЯТ ОТТЕНКОВ
СВОБОДЫ

ГРЕЙ

Кристиан Грей
о пятидесяти оттенках

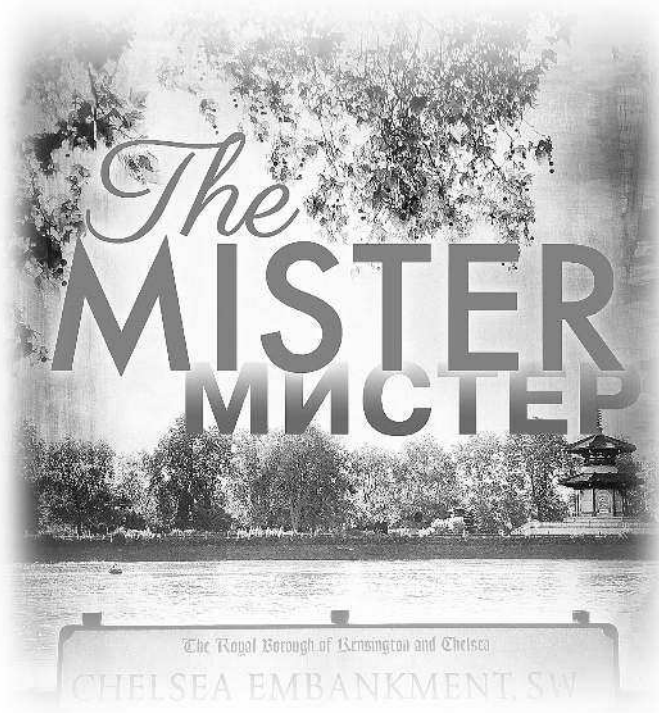
•

ЕЩЕ ТЕМНЕЕ

«На пятьдесят оттенков темнее»
глазами Кристиана

•

МИСТЕР

Э Л Джеймс

МОСКВА 2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Д40

E L James

THE MISTER

Cover design and photograph by Erika Mitchell
Cover image reproduced with kind permission of the Royal Borough of
Kensington and Chelsea

Back cover photograph © Kwangmoozaa/Shutterstock

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского

Веры Гордиенко и Алины Сафроновой

Джеймс, Э Л.

Д40 Мистер / Э Л Джеймс ; [перевод с английского В. И. Баканова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с. — (Эрика Джеймс. Мировое признание).

ISBN 978-5-04-105859-3

«Мистер» — новый захватывающий роман от Э Л Джеймс, автора трилогии «Пятьдесят оттенков», взорвавшей книжный рынок.

Лондон. У Максима Тревельяна есть все: привлекательная внешность, аристократическое происхождение и деньги. Ему никогда не надо было работать и редко приходилось спать одному. Но все меняется в один миг, когда случается трагедия. Максим наследует высокий титул, состояние и имение своей семьи, а одновременно и всю ответственность. И к этой роли он, увы, оказался не готов.

Тогда же в его жизни появляется загадочная женщина, которая совсем недавно приехала в Англию. Скрытная, красивая и музыкально одаренная, она — соблазнительная загадка. Влечение Максима к ней усиливается и перерастает в страсть, которой он прежде не испытывал. Кто такая Алессия Демачи? Сможет ли Максим защитить ее от зла, которое ей угрожает? Как она поступит, когда узнает, что у Максима тоже есть секреты?

Непредсказуемые повороты сюжета, опасность и страсть — все это «Мистер», книга, которая заставит вас затаить дыхание и не отпустит до последней страницы.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Гордиенко В., перевод на русский язык, 2019

© Сафронова А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105859-3

*Посвящается Тии Эльбе.
Благодарю тебя за мудрость,
силу, хорошее настроение
и разумный подход к жизни.
А больше всего — за любовь.*

daily /'dāʃi/ — сущ. неформ.

1. Ежедневная газета, которая выходит каждый день, кроме воскресенья. «О суде рассказали популярные ежедневные газеты».
2. брит. англ. устар. Приходящая прислуга, которая регулярно убирает в доме. «Горничная убирает мой дом ежедневно...»

Пролог

Нет. Нет. Нет. Только не мрак. Не удушающая тьма. Не черный полиэтиленовый мешок. Невыносимый гнетущий страх не дает дышать.

Я задыхаюсь. Задыхаюсь.

К горлу подкатывает ком. Во рту горько-кислый привкус.

Так надо. Иначе ничего не выйдет. Сиди тихо. Не шевелись. Дыши медленно. Неглубоко. Как он советовал. Скоро все кончится. Кончится навсегда, и я буду свободна. Свободна. Свободна.

Давай. Не медли. Беги. Беги. Беги. Давай.

Она мчится со всех ног, без оглядки. Страх гонит вперед, и тень быстро скользит мимо редких припозднившихся покупателей. Удача на ее стороне — раздвижные двери открыты. Она проносится под безвкусными праздничными украшениями и выбегает на стоянку перед универмагом. И снова бежит — вперед, только вперед. Мимо машин, в лес — а там летит сломя голову по узкой тропинке, сквозь кусты ежевики, и тонкие веточки хлещут ее по лицу. В груди горит, сердце колет. Вперед. Скорее. Вперед. Только не останавливаться!

Холодно. Холодно. Как холодно...

От изнеможения путаются мысли. Она ужасно устала и замерзла. Ветер воет среди деревьев, треплет одежду, пробирает до костей. Она сворачивается под кустом и онемевшими руками сгребает листья, строя себе что-то вроде гнезда.

Спать.

Нужно поспать. Она опускается на стылую твердую землю, позабыв от усталости и о страхе и о слезах.

А остальные? Они выбрались?

Она закрывает глаза.

Спаслись? Хоть бы они были на свободе. В тепле... И почему все пошло вот так?

Она просыпается, дрожа от холода. На этот раз она спала за мусорными баками, завернувшись в газеты и укрывшись картоном. Надо идти. У нее есть адрес. Благодарение богу, которому молится бабушка, адрес у нее в руке. Дрожащие пальцы разворачивают листок бумаги. Вот куда ей нужно. И она пойдет туда. Немедленно.

Шаг правой... потом левой... Она едва идет. На большее нет сил. Идет. Потом спит на каком-то пороге. Снова идет. Пьет воду в «Макдоналдсе», прямо из-под крана, в туалете. Как вкусно пахнет еда!

Холодно, голод будто когтями впивается в живот. А она все упрямо шагает, сверяясь по карте. По краденной карте. Украденной из магазина. Из универмага, где перемигивались разноцветные лампочки и звучали рождественские песенки. Изю всех оставшихся сил она сжимает в руке мятый, разорванный листок бумаги, который так долго прятала в ботинке.

Она устала. Очень устала. И вся грязная. Ужасно перепачкалась, замерзла и еле жива от страха. Только бы дойти. Дрожащей рукой она нажимает на дверной звонок.

Магда ее ждет. Мать ей обо всем написала. И Магда с улыбкой распахивает объятия. Однако тут же отшатывается.

— Господи Иисусе, девочка моя! Что с тобой стряслось? Я ждала тебя еще на прошлой неделе.

Глава 1

Тупой, бездумный секс — сколько всего хочется сказать в его защиту! Ни обязательств, ни разочарований. Главное — запомнить имена. Как там звали последнюю? Жо-жо? Жанна? Джоди? Не важно. Просто безымянная шлюшка, которая вечно стонала — и в кровати, и вне ее.

Не спится. Слишком я взвинчен. Лежа на спине, пялюсь на рябь на потолке — отражение Темзы.

Сегодня у меня Каролина. Ее безымянной шлюшкой не назовешь, она не из тех. И какого дьявола мне взбрело в голову привести ее к себе? Прикрыв глаза, я старательно заглушаю тихий внутренний голос, который настойчиво интересуется: «Ты спятил, что ли? Зачем ты спишь с лучшим другом... и не в первый раз?» Каролина неподвижно лежит рядом, ее холеное тело залито серебристым сиянием январской луны, длинные ноги переплетены с моими, а голова покоится на моей груди.

Вот ведь подлец. Мерзавец. Потирая щеку, я пытаюсь стереть ненависть к самому себе, а тем временем просыпается Каролина, выныривает из полудремы. Нанюрикюренный пальчик скользит по моей груди, затем спускается к животу и обводит пупок. Даже не глядя, я чувствую, как на лице Каролины расцветает сонная улыбка, когда тонкие пальчики спускаются ниже и теребят волосы у меня на лобке. Перехватываю ее руку и подношу к губам.

— Каро, для одной ночи прегрешений достаточно. Согласна?

Нежно целуя каждый пальчик, я надеюсь смягчить отказ и умиловить Каролину. Я устал и изму-

чился от нескончаемого аккомпанемента угрызений совести, которые не дают мне покоя. Господи, Каролина, мой самый близкий друг... и жена моего брата. Бывшая.

Нет. Не жена. Вдова.

Какое печальное слово, под стать прискорбному событию.

— Ах, Максим, прошу тебя. Подари мне забвение, — шепчет она и нежно целует меня в грудь влажными губами.

Откинув с лица локоны, Каролина призывно и тоскливо смотрит на меня сквозь длинные ресницы.

Я беру ее прелестное лицо в ладони и качаю головой.

— Нам нельзя.

— Молчи. — Она прижимает тонкий пальчик к моим губам, не давая произнести ни слова. — Пожалуйста. Я больше не могу.

С моих губ срывается стон. Такими темпами я отправлюсь прямо в ад.

— Прошу тебя, — умоляет она.

«Черт... вот он — ад, раскрывает объятия».

Я тоже тоскую по брату, мне тоже плохо, очень плохо, а Каролина — та ниточка, что связывает меня с ним. Я накрываю ее губы своими и медленно опускаю ее на постель.

Едва открыв глаза, я щурюсь от яркого света — зимнее солнце заливает комнату. Каролины рядом нет, замечаю я с облегчением, однако осталась тень сожаления, и на подушке белеет записка:

Позжинешь сегодня с Папцлей и Мамцлей?
Пожалуйста, приходи.
Они тоже в трауре.

Лю.

Обнимаю.

Вот же хрень.

Совсем некстати. Закрыв глаза, я радуюсь одиночеству в собственной постели. Хорошо, что мы приехали в Лондон, хотя прошло всего два дня после похорон. Даже несмотря на наши ночные забавы.

«И как нас угораздило так вляпаться?»

«Всего по глоточку, на ночь», — сказала она.

Я взглянул в ее огромные синие глаза, полные печали, и сразу понял, чего она ждет. Точно так же она смотрела на меня в тот вечер, когда мы узнали о несчастном случае с Китом, а потом и о его смерти. Тогда я не смог сказать ей «нет». Мы не раз были на грани, однако той ночью я забыл обо всем и просто трахнул жену моего брата.

А теперь все повторилось, хотя Кита проводили в последний путь лишь два дня назад.

Я хмуро изучаю взглядом потолок. Жалкое ничтожество — вот что я такое, вернее и не скажешь. Но ведь и Каролина такая же.

Хотя у нее есть оправдание: она в трауре, испугана, не знает, чего ожидать, а я ее лучший друг. К кому же еще ей обратиться в трудную минуту? Я сыграл предложенную мне роль — утешил скорбящую вдову.

Скомканная записка летит на деревянный пол и скользит под диван, заваленный моей одеждой. Я провожаю бумажный комок хмурым взглядом и вновь закрываю глаза, не желая видеть полупрозрачные тени под потолком — они будто насмеваются надо мной и моими мыслями.

Кит был хорошим парнем.

Кит. Наш дорогой Кит. Все его любили — даже Каролина. Ведь она выбрала его! Я вдруг вспомнил, каким увидел Кита в морге — изломанное тело под простыней. Набрал в легкие побольше воздуха, я гоню непрошеное воспоминание, а к горлу подкатывает ком. Киту с нами не повезло. Он заслуживал куда лучших друзей, чем до-

рогуша Каро и я — неприкаянный, никчемный прожигатель жизни. Кит не заслужил этого... предательства.

Дьявольщина.

Да кого я обманываю?

Мы с Каролиной два сапога пара. Она утолила мое желание, а я — ее. Мы взрослые, в сущности, свободные люди. Ей понравилось. Мне тоже. Это вообще мой конек — трахать изнемогающих от желания красоток всю ночь до утра. Хоть какое-то занятие.

Благодаря сексу я в отличной форме, а в судорогах страсти я узнаю о женщине все, что нужно: как заставить ее вспотеть, и кричит она или плачет, когда кончает.

Каролина — плакса.

Каролина совсем недавно овдовела.

Черт.

А я остался без старшего брата, без путеводного маяка, за которым я следовал последние годы.

Черт.

Стоит закрыть глаза, и я снова вижу бледное лицо мертвого Кита. У меня в груди будто зияет дыра.

Невосполнимая потеря.

Какого дьявола он покати́л в тот вечер на мотоцикле по скользкой дороге? Ума не приложу. Кит всегда был самым здравомыслящим, самым уравновешенным и умелым, воплощенная Надежность.

Из нас двоих семья гордилась Китом, он высоко нес знамя семейной репутации и вел себя безукоризненно. Он трудился в Сити, представлял деловые интересы семьи — весьма обширные. Кит никогда не принимал поспешных решений, не гонял на машине как сумасшедший. Старший, благоразумный брат неизменно шел к вершине, а не катился под гору. Не блудный сын, как некоторые. Вот я — обратная сторона медали. Паршивая овца. От меня никто ничего не ждет. Об этом я ревностно забочусь. Постоянно.

С мрачной миной я сажусь на кровати, щурясь от резкого утреннего света. Пора в спортзал. Совсем рядом, только в подвал спуститься. Бег, секс и фехтование — и я в хорошей форме.

Гремит танцевальная музыка, по спине крупными каплями катится пот, а я резко втягиваю в легкие воздух. Стучу подошвами по беговой дорожке, и с каждой секундой в голове проясняется. Ожесточенно довожу себя до предела, хочу устать до невозможности. Обычно на пробежке я сосредоточиваюсь и благодарю свое тело — физические упражнения приносят боль, но я счастлив, что в состоянии ее чувствовать, даже если горят легкие и ноют мышцы. Сегодня я ничего не хочу чувствовать. Адски-жуткая неделя высосала меня до капли. Мне нужна лишь боль от усталости, физическая боль. А не боль потери.

«Бежать. Дышать. Бегу. Дышу».

«Не думать о Ките. Не думать о Каролине».

«Бежать. Бежать. Бежать».

В заключительные минуты пятимильной пробежки я замедляю шаг, позволяя вернуться лихорадочным мыслям. Впервые за долгие годы у меня вдруг образовалась куча дел.

Пока Кит был жив, я жил по раз и навсегда устоявшемуся расписанию: с утра приходил в себя после вчерашнего, а потом придумывал, чем занять следующий вечер и ночь. И все. Больше ничего. День за днем. Не люблю вытаскивать на свет божий подробности своей жизни, однако в глубине души я прекрасно знаю, что мое существование лишено малейшего смысла. В двадцать первый день рождения мне открылся доступ к очень солидному трастовому фонду, и с тех пор я ни дня по-настоящему не работал. В отличие от старшего брата, который пахал за двоих. Кит трудился без отдыха, но, честно говоря, у него не было выбора.

А сегодня все изменилось. Я обязан проследить за исполнением последней воли Кита, что само по себе шутка

еще та. Последняя хохма Кита, какие уж тут сомнения, однако раз старший брат занял место в семейном склепе, то пришло мое время огласить завещание и... как бы это поточнее выразиться, его исполнить.

Кит не оставил наследников.

Беговая дорожка останавливается, и я вздрагиваю с головы до ног. Не хочу думать о неизбежных сложностях.

Схватив айфон, я набрасываю на шею полотенце и бегу вверх по лестнице на шестой этаж, в свою квартиру.

Сбрасываю одежду в спальне прямо на пол и топаю мыться.

Под душем, намыливая голову, стараюсь сообразить, что же мне делать с Каролиной. Мы знакомы со школы. Нам было по тринадцать лет; и ее, и мои родители развелись, и мы учились в одном пансионе, когда ощутили друг в друге родственные души. Я был новеньким, и Каролина взяла меня под свое крыло. Мы стали неразлучны. Она была и всегда будет моей первой любовью, первой девушкой, с которой я переспал... и так неудачно... аж вспомнить противно. Спустя годы она предпочла моего брата. Несмотря на такой ее кульбит, мы остались друзьями и не касались друг друга — пока Кит был жив.

Черт. С этим пора кончать. Кому нужны дополнительные сложности. Я бреюсь, и из зеркала меня сурово рассматривают горящие зеленые глаза.

«Не вздумай все испортить. Каролина — твой друг, один из немногих. Лучший друг. Договорись с ней. Она знает, что мы слишком разные и не сможем быть вместе». Я киваю своему отражению, чувствуя, что понял, как поступить с Каролиной, и вытираю с лица пену. Бросив полотенце на пол, направляюсь в гардеробную. Там выбираю из стопки одежды черные джинсы и с облегчением обнаруживаю на вешалке выглаженную белую рубашку и черный блейзер только из химчистки. Обедаю я сегодня с юристами, которые ведут дела нашей семьи.

Быстро надев ботинки, снимаю с вешалки пальто — на улице не жарко.

Черт, сегодня же понедельник!

Моя горничная Кристина, пожилая полька, придет убирать квартиру ближе к обеду.

Я кладу на столик в коридоре пару купюр, включаю сигнализацию и закрываю за собой дверь. Щелкнув ключом в замке, сбегая по ступенькам. Обойдусь и без лифта.

На набережной Челси прозрачный холодный воздух, затуманивает его лишь пар моего дыхания. Я всматриваюсь вдаль, за мрачные, серые воды Темзы, смотрю на Пагоду Мира на противоположном берегу. Я давно ищущу тишины и покоя, но, судя по всему, обрести их смогу очень нескоро. Надеюсь, что за обедом мне ответят на некоторые вопросы. Остановив взмахом руки такси, я прошу отвезти меня в Мейфер.

Юридическая контора «Павел, Мармонт и Хоффман» находится в великолепном георгианском особняке на Брук-стрит и представляет интересы нашей семьи с тысяча семьсот семьдесят пятого года. «Пора взростеть», — бормочу я себе под нос, открывая тяжелую деревянную дверь.

— Добрый день, сэр, — сияя улыбкой, приветствует меня юная секретарша.

На ее смуглых щеках горит румянец. Симпатичная, неброская внешность. В другом месте и в другое время я бы в пять минут уболтал ее дать мне номер телефона, но сейчас я здесь не за тем.

— У меня встреча с мистером Раджой.

— Как вас зовут?

— Максим Тревельян.

Пробежав глазами по экрану компьютера, девушка качает головой и хмурится.

— Садитесь, прошу вас.

Она указывает на два обтянутых коричневой кожей кресла-честерфильда в отделанной строгими панелями